

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Сергей
Кара-Мурза**

**СОВЕТСКАЯ
МАТРИЦА**

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Советская матрица

Серия «Советский век»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67385507

*Советская матрица:
ISBN 978-5-00180-412-3*

Аннотация

С.Г. Кара-Мурза – видный российский ученый, автор несколько десятков книг по истории, социологии, экономике России, многие из которых уже стали классикой жанра.

В своей новой книге С.Г. Кара-Мурза оценивает нынешнее состояние России и делает прогнозы на будущее. Он пишет, что в современной капиталистической мировой системе Россия не может получить достойного места. Ее реальный выбор: или стать частью периферии, или выработать собственный проект, продолжающий «цивилизационную траекторию» нашей страны. Такой проект должен быть основан на советской «матрице», то есть на лучших достижениях СССР в области хозяйства, культуры, социальной жизни – автор показывает, как этого можно достичь.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Государство переходного периода: исчезновение народа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Георгиевич Кара-Мурза Советская матрица

© Кара-Мурза С.Г., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Государство переходного периода: исчезновение народа

Наше постсоветское государство и общество переживают длительный глубокий кризис, но ни обществоведение, ни организованные политические партии до сих пор не могут дать ясного изложения его природы. Чаще всего на первый план выдвигается описание *социальных* последствий этого кризиса. То есть по инерции болезнь общества трактуется в понятиях классового подхода. Неадекватность этого подхода тем процессам, которые протекают в РФ или Украине, почти очевидна. Да, меняется состояние стабильных ранее социальных групп (например, идет деклассирование рабочего класса), но разве можно этим объяснить противостояние в Украине, политическую пассивность обедневшего большинства и его равнодушное отношение и к приватизации, и к перераспределению доходов, войну в Чечне?

На мой взгляд, надо преодолеть узость подхода, сводящего всю жизнь общества к динамике социальных групп, и исследовать, что происходит со *всей* системой связей, объединяющих людей в общности, а их – в общество. Тогда мы сразу вспомним, что гораздо более фундаментальными, нежели классовые отношения, являются связи, соединяющие людей в *народ*. Связи эти поддаются целенаправленному воздей-

ствию, и технологии такого воздействия совершенствуются. Значит, народ можно «разобрать», демонтировать – так же, как на наших глазах демонтируется рабочий класс или научно-техническая интеллигенция РФ. И если какая-то влиятельная сила производит демонтаж народа нашей страны, то теряет силу и ее государственность – *власть остается без народа*. При этом ни образованный слой, мыслящий в понятиях классового подхода, ни политические партии, «нарезанные» по принципу социальных интересов, этого даже не замечают.

Сейчас кажется даже странным, что в «правлящем слое» – от Горбачева до Путина – вообще не встал вопрос: над кем он властвует? Странно это потому, что те, кто шел к реальной власти уже в конце 80-х годов, а теперь готовится ко второму раунду битвы за свою власть уже в форме «оранжевых» революций, эту проблему довольно ясно представляли себе уже при Горбачеве. Сейчас это видно по многим вскользь сделанным замечаниям в текстах тех лет. Тогда антисоветская элита видела в этих замечаниях лишь поддержку в своем проекте разрушения Советского государства, а «просоветская» часть общества этими замечаниями возмущалась как абсурдными и аморальными. На деле речь шла о создании идеологической базы уже для «оранжевых» революций.

Суть проблемы сводилась к тому, что же такое *демос*, который теперь и должен получить всю власть. Ведь *демократия* – это власть *демоса*! Да, по-русски «демос» означает

народ. А правильно ли нам перевели это слово, не скрыли от нас какую-то важную деталь? Да, скрыли, и даже ввели в заблуждение. Само слово *народ* имеет совершенно разный смысл в традиционном и в гражданском западном обществах.

В царской и советской России существовало устойчивое понятие народа. Оно вытекало из священных понятий *Родина-мать* и *Отечество*. Народ – надличностная и «вечная» общность всех тех, что считал себя детьми Родины-матери и Отца-государства (власть персонифицировалась в лице «царя-батюшки» или другого «отца народа», в том числе коллективного «царя» – Советов). Как в христианстве «все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (и к тому же «Мы – дети Божии... а если дети, то и наследники»), так и на земле все, «водимые духом Отечества», суть его дети и наследники. **Все** они и есть народ – суверен и источник власти. Небольшая кучка отщепенцев, отвергающих «дух Отечества», из народа выпадает, а те, кто отвергает этот дух активно, становятся «врагами народа». Дело власти – за ними следить, их увещевать, а то и наказывать.

Таков был русский миф о народе, многое взявший из православия и из космологии крестьянской общины. Мы никогда не соотносили его с иными представлениями. А ведь уже даже на ближнем от нас феодальном Западе их государственность строилась на совсем других толкованиях. Например, в Польше и Венгрии вплоть до XIX века сохранялась

аристократическая концепция нации. Так, «венгерскую нацию» составляли все благородные жители Венгрии, даже те, кто венграми не был и по-венгерски не говорил, – но из нации исключались все крепостные и даже свободные крестьяне, говорившие на диалектах венгерского языка. Представления венгров о своем народе быстро изменялись в ходе сдвига, всего за столетие с небольшим, от *аристократического* к *пролетарскому* национализму [1].

Аристократическое понимание народа было кардинально отвергнуто в ходе великих буржуазных революций, из которых и вышло *гражданское общество*. Было сказано, что приверженцы старого порядка – всего лишь *подданные* государства («монарха»). Народом, демосом, становятся лишь те, кто стали гражданами и совершили революцию, обезглавив монарха. Именно этот, новый народ и получает *власть*, а также становится наследником *собственности*. И этот народ должен вести непрерывную войну против всех тех, кто не вошел в его состав («быдла»).

В фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах, читаем: «Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как «народ» утверждается через революцию, а политическое право – собствен-

ностью... Таким образом, эта демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством».

В понятиях политической философии Запада индивиды соединяются в народ через гражданское общество. Те, кто вне его, – не народ. С точки зрения западных исследователей России, в ней даже в середине XIX века не существовало народа, так как не было гражданского общества. Путешественник маркиз де Кюстин писал в своей известной книге о России (1839 г.): «Повторяю вам постоянно – здесь следовало бы все разрушить, для того чтобы создать народ». Это требование почти буквально и стало выполняться полтора века спустя российскими демократами. Они, впрочем, преуспели пока что только в разрушении, а выращиваемый в пробирке реформ новый народ не прибавляет в весе.

Символическое значение самой декларации, в которой небольшая часть населения, выступающая против власти, объявляет себя народом, красноречиво проявилось в ноябре 1989 г. в ГДР. Тогда митинг молодежи в Дрездене стал скандировать: «Мы – народ!» Это стало возможным и уговоренным потому, что на это было получено разрешение от правящей верхушки двух великих держав – США и СССР. Этот новый народ получил внешнюю легитимацию от беспрекословных в ГДР авторитетов. Раньше этот митинг не мог бы состояться и не имел бы смысла, потому что этому молодому авангарду резонно ответили бы: почему это вы – 1 % населения ГДР – народ? Народ – это все 14 миллионов восточных

немцев, и воля их выражена ими несколькими способами.

В использовании символа «народ» в ГДР был совершен очень важный поворот (возможно, неожиданный для Горбачева, но наверняка согласованный с Западом). Вначале митингующие кричали: «Wir sind das Volk!», что буквально означало «**Мы** – народ!». Затем вдруг определенный артикль был заменен на неопределенный: «Wir sind ein Volk!» И возникла неопределенность, которая могла трактоваться и трактовалась как «Мы – *один* народ!». Так митинг декларировал не только свое право как народа решать свою судьбу, но и объявлял о своем решении объединиться с ФРГ в один народ. Массы населения поняли, что вопрос решен, – и приветствовали нового суверена.

В СССР этот процесс происходил исподволь. Мысль, что население СССР (а затем РФ) вовсе не является народом, а народом является лишь скрытое до поры до времени в этом населении особое меньшинство, развивалась нашими демократами уже начиная с середины 80-х годов. Тогда эти рассуждения поражали своей *недемократичностью*, но подавляющее большинство просто не понимало их смысла. Не понимало оно и смысла созданного и распространенного в конце 80-х годов понятия «новые русские». Оно было воспринято как обозначение обогатившегося меньшинства, хотя уже первоначально разрабатывалось как обозначение тех, кто отверг именно «дух Отечества» (как было сказано при введении самого термина «новые русские», отверг «русский Кос-

мос, который пострашнее Хаоса»¹).

Ненависть возникающего в революции-перестройке нового народа к *традиционному народу* была вполне осознанной. В журнале «Век XX и мир» (1991. № 7), один такой «новый» гражданин писал в статье «Я – русофоб»: «Не было у нас никакого коммунизма – была Россия. Коммунизм – только следующий псевдоним для России... Итак, я – русофоб. Не нравится мне русский народ. Не нравится мне само понятие “народ” в том виде, в котором оно у нас утвердилось. В других странах “народ” – конкретные люди, личности. У нас “народ” – какое-то безликое однообразное существо».

В 1991 г. самосознание «новых русских» как народа, *рожденного революцией*, вполне созрело. Их лозунги, которые большинству казались абсурдно антидемократическими, на деле были именно *демократическими* – но в понимании западного гражданского общества. Потому что только причастные к этому меньшинству были *демосом*, народом, а остальные остались быдлом, «совками». Г. Павловский с некоторой иронией писал в июле 1991 г.: «То, что называют “народом России”, – то же самое, что прежде носило гордое

¹ Кинокритик А. Плахов писал, что понятие «новые русские» зародилось в среде художественной интеллигенции как «попытка освобождения от груза проблемности и мессианских замашек, которыми грешили все «старые» русские». Речь шла об отказе от эстетики «русского Космоса», которая характеризуется им так: «Это эстетика выкидыша или плода, зачатого и выношенного большой женщиной от лилипута». А. Плахов вскользь замечает, что «в ряды движения выбирали отнюдь не по принципу славянской принадлежности» (Независимая газета. 1992. 10 янв.).

имя “актива” – публика, на которую возлагают расчет. Политические “свой”...».

Это самосознание нового «народа России» пришло так быстро, что удивило многих из их собственного стана – им было странно, что это меньшинство, боровшееся против лозунга «Вся власть – Советам!», исходя из идеалов демократии, теперь «беззастенчиво начертало на своих знаменах: «Вся власть – нам!» Ничего удивительного, вся власть – им, потому что только они и есть народ. Отношение к тем, кто их власть признавать не желал, было крайне агрессивным².

О составе этого нового народа, вызревшего в советском «народе подданных», поначалу говорилось глухо, смысл можно было понять, только изучая классические труды западных идеологов гражданского общества, но мы их не изучали. Картину можно было составить из отдельных мазков – коротких статей, выступлений, оброненных туманных намеков, – но этим анализом не занимались. Систематически заниматься этим нет времени и сегодня, но примеры привести можно.

Так, в «перестроечной» среде получила второе дыхание идея о том, что интеллигенция представляет собой особый народ, не знающий границ и «своей» государственности.

² В «Московском комсомольце» (1992. 12 фев.) поэт А. Аронов писал об участниках первого митинга оппозиции: «То, что они не люди – понятно. Но они не являются и зверьми. “Зверье, как братьев наших меньших...” – сказал поэт. А они таковыми являться не желают. Они претендуют на позицию третью, не занятую ни человечеством, ни фауной».

Идея эта идет от времен Научной революции и просвещенного масонства XVIII века, когда в ходу была метафора «Республика ученых» как влиятельного экстерриториального международного сообщества, образующего особое невидимое государство – со своими законами, епископами и судами. Их власть была организована как «невидимые коллегии», по аналогии с коллегиями советников как органов государственной власти немецких княжеств³. Во время перестройки, когда интеллектуалы-демократы искали опору в «республике ученых» (западных), стали раздаваться голоса, буквально придающие интеллигенции статус особой *национальности*.

Румынка С. Инач, получившая известность как борец за права меньшинств, писала (в 1991 г.): «По моему мнению, существует еще одна национальность, называемая интеллигенцией, и я хотела бы думать, что принадлежу также и к ней». А вот развернутое рассуждение Г. Павловского о «его народе», интеллигенции: «Русская интеллигенция вся – инакомыслящая: инженеры, поэты, жида. Ее не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность “республиканских великоруссов” едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь насту-

³ В советскую литературу это понятие из-за ошибки переводчиков вошло в искаженном виде как «невидимый колледж» ученых.

пить сапогом на лицо человека.

Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой... Великий немецкий философ Карл Ясперс прямо писал о праве меньшинства на гражданскую войну, когда власть вступает в нечестивый союз с другой частью народа – даже большинством его, – пытаясь навязать самой конструкции государства неприемлемый либеральному меньшинству и направленный против него религиозный или политический образ...

Что касается моего народа – русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, – ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны – блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная – ей некому передоверить свою судьбу суверенного народа» [2].

Сейчас Павловский поет другие, антилиберальные песни, но это не важно, он личность сложная. Он высказал в 1991 г. стратегические идеи, в них и надо вникать. Правда, тогда он был еще покладист – антилиберальное большинство тоже называл народом. Более того, *точно таким же*, как интеллигенция, народом он называл даже шахтеров – тех, кого во время «оранжевой» революции в Киеве в 2004 г. прямо обозначили как *быдло*, противостоящее *народу* (впрочем, в 1991 г. демократы шахтеров похваливали и сулили им пря-

ник – тогда шахтеры под руководством умелых режиссеров устроили общесоюзный Майдан).

Замечательно, что эйфория нового народа от его грядущей победы вовсе не обманула его проницательных идеологов. Они видели, что власть этого демоса эфемерна, слишком уж он невелик. Поэтому публикации тех лет были наполнены жалобами на то, что нет у нас социальной базы для демократии – вокруг один *охлос*, люмпены. Весной 1991 г. в типичной антисоветской статье «Рынок и государственная идея» дается типичная формула: «Демократия требует наличия демоса – просвещенного, зажиточного, достаточно широкого “среднего слоя”, способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса, где впритирку колышутся люди на грани нищеты и люди с большими... накоплениями, масса, одурманенная смесью советских идеологем с инстинктивными страхами и вспышками агрессивности, – говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе... Надо сдерживать охлос, не позволять ему раздавить тонкий слой демоса, и вместе с тем из охлоса посредством разумной экономической и культурной политики воспитывать демос» [3].

Уже в самом начале реформы была поставлена задача изменить тип государства – так, чтобы оно изжило свой *патерналистский* характер и перестало считать *все* население народом (и потому собственником и наследником достояния страны). Теперь утверждалось, что *настоящей* властью мо-

жет быть только такая, которая защищает *настоящий* народ, то есть «республику собственников».

Д. Драгунский объясняет: «Мы веками проникались уникальной философией **единой отеческой власти**. Эта философия тем более жизнеспособна, что она является не только официальной государственной доктриной, но и внутренним состоянием большинства. Эта философия отвечает наиболее простым, ясным, безо всякой интеллектуальной натуги воспринимаемым представлениям – семейным. Наше государственно-правовое сознание пронизано семейными метафорами – от “царя-батюшки” до “братской семьи советских народов”... Только появление суверенного, **власть имущего** класса свободных собственников устранил противоречие между “законной” и “настоящей” властью. Законная власть будет наконец реализована, а реальная – узаконена. Впоследствии на этой основе выработается новая философия власти, которая изживет традицию отеческого управления» [4].

Говоря об этом разделении, идеологи перестройки в разных выражениях давали характеристику того большинства (охлоса), которое не включалось в народ и должно было быть отодвинуто от власти и собственности. Это те, кто жил и хотел жить в «русском Космосе». Г. Померанц пишет: «Добрая половина россиян – вчера из деревни, привыкла жить по-соседски, как люди живут... Найти новые формы полноценной человеческой жизни они не умеют. Их тянет назад... Сла-

бразвитость личности – часть общей слаборазвитости страны. Несложившаяся личность не держится на собственных ногах, ей непременно нужно чувство локтя... Только приоритет личности делает главным не место, где проведена граница, а легкость пересечения границы – свободу передвижения» [5].

Здесь – отказ уже не только от культурного Космоса, но и от *места*, от Родины-матери, тяготение этого нового народа к тому, чтобы включиться в глобальную расу «новых кочевников». Здесь же и прообраз будущей «оранжевой» анти-российской риторики – Померанц уже в 1991 г. утверждает, что под давлением «слаборазвитости» охлоса «Москва сеет в Евразии зубы дракона».

В требованиях срочно изменить тип государственности идеологи *народа собственников* особое внимание обращали на армию – задача создать наемную армию карательного типа была поставлена сразу же. Д. Драгунский пишет: «Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан [“может быть, только одна десятая населения”]... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей кромешной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным – он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде,

особую роль призвана сыграть армия... Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сирых и обездоленных от эксплуататоров, толстосумов и прочих международных и внутренних буржуинов... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее – защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...» [6].

Здесь изложена доктрина реформ 90-х годов в интересующем нас аспекте. На первом этапе реформ будут созданы лишь «оазисы» рыночной экономики, в которых и будет жить *демос* (10 % населения). В *демократическом* (в понятиях данной доктрины) государстве именно этому демосу и будут принадлежать власть и богатство. Защищать это просвещенное зажиточное меньшинство от бедных (от *бунтующих люмпенов*) станет реформированная армия с новыми ценностными ориентациями. Кольшущаяся на грани нищеты масса (90 % населения) – *охлос*, лишенный и собственности, и участия во власти. Его надо «сдерживать» и, по мере возможности, рекрутировать из него и воспитывать пополнение демоса (по своей фразеологии это – типичная программа ассимиляции национального меньшинства).

Каков же результат осуществления этой программы за

пятнадцать лет? Все это время в стране шла холодная гражданская война нового народа (демоса) со старым (советским) народом. Новый народ был все это время или непосредственно у рычагов власти, или около них. Против большинства населения (старого народа) применялись прежде всего средства *информационно-психологической* и *экономической* войны, а также и прямые репрессии с помощью реформированных силовых структур⁴.

Экономическая война против советского народа внешне выразилась в лишении его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений в результате гиперинфляции. Это привело к глубокому кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников сельского хозяйства. Резкое обеднение большинства населения привело к кардинальному изменению всего *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характеру жизненных планов).

Изменение образа жизни при соответствующем идеологическом воздействии означает глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушает мировоззренческое ядро цивилизации. Изменения в жизнеустройстве такого мас-

⁴ Подавляющее большинство из миллиона заключенных в местах лишения свободы, как и основная масса жертв преступного насилия, – представители обедневшей части населения, превращенной в «охлос».

штаба уже не подпадают под категорию *реформ*, речь идет именно о революции, когда, по выражению Шекспира, «развал в стране и все в разъединенье». По словам П.А. Сорокина, реформа «не может попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам». Человеческая природа каждого народа – это укорененные в подсознании фундаментальные ценности, которые уже не требуется осознавать, поскольку они стали «естественными». Изменения в жизнеустройстве советского народа в РФ именно попирали эту «природу» и противоречили «базовым инстинктам» подавляющего большинства населения.

Крайне жесткое, во многих отношениях преступное, воздействие на массовое сознание (информационно-психологическая война) имело целью непосредственное разрушение культурного ядра советского народа. В частности, был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину. Историческая память – одна из важнейших духовных сфер личности, скрепляющая людей в народ. По своим масштабам программа разрушения исторической памяти, проводимая со второй половины 80-х годов XX века, намного превзошла аналогичную кампанию, которая велась с 1925 г. – также в условиях холодной гражданской войны между «космополитическим» и «почвенническим» течениями в большевизме. Та кампания была травмирующим образом прекращена в 1934 г., когда произошел перелом в соотношении сил в пользу сталинизма.

Анализируя с этой точки зрения СМИ 1996 г., А. Иголкин пишет: «Количество традиционных исторических символов в сегодняшнем среднем номере газеты меньше, чем даже в начале 1950-х годов. Тогда за небольшой, скажем, трехмесячный, период в обычной газете можно было обнаружить ссылки на все без исключения века русской истории, сотни исторических имен, причем сама отечественная история была представлена как связное единое целое. История не знала огромных “черных дыр”: ни в смысле исторических “провалов”, ни в смысле сплошного очернения... Общая плотность исторической символики, идущих из глубины веков духовно-исторических полей и энергий в СМИ была достаточно высокой. Историко-символические ресурсы служили национальным интересам» [7].

В другом месте А. Иголкин пишет, что «для современной российской газеты характерна потеря практически всех исторических имен, всей архаики», и приводит замечание Ю. Лотмана: «Каждая культура нуждается в пласте символов, выполняющих функцию архаики. Сгущение символов здесь особенно заметно». При этом Ю. Лотман подчеркивает, что самые простые, архаические символы образуют символическое ядро культуры, и именно насыщенность ими позволяет судить об ориентации каналов коммуникации [8].

Сдвиги и в общественном сознании, и в образе жизни были инструментами для демонтажа того *народа*, который и составлял советское общество, был тем демосом, на согласии

которого и держалась легитимность советской государственности, сила советского государства. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» – осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эту массу демократы и называют охлосом.

В результате экономической и информационно-психологической войны была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения населения России, оно утратило систему ценностных координат. Медики даже говорят о разрушении *динамического стереотипа*, вырабатываемой в культуре способности ориентироваться в социальном пространстве и времени. Именно этим они объясняют аномально высокую смертность населения трудовых возрастов [9]. Этим же во многом объясняется и всплеск преступности, особенно с применением насилия.

Кризис мировоззрения в советском обществе начался задолго до реформы 90-х годов, он явился ее предпосылкой. Его проявлением стало зарождение *социалистического постмодернизма*. Суть его, как и вообще постмодернизма, была в релятивизации, разрыхлении ядра системы ценностей, в ослаблении ее иммунитета против ценностей *социальных патологий* (признаком этого было, например, бурное развитие уголовной лирики, широкая популярность диссидентских воззрений в широком смысле слова). Перестройка нанесла по ослабленному культурному основанию народа мощный удар и в большой мере разрушила его (точнее,

в достаточной мере, чтобы парализовать волю). Используя введенный в 70-х годах термин, можно сказать, что в 90-е годы мировоззренческая матрица народа Российской Федерации представляла собой *ризому* – размонтированную среду без матричной иерархии, среду «тотальной равнозначности», лишенную «образа истинности». В отношении Запада эту мысль развивает А.М. Столяров [10]. Это утрата связной картины мира и способности к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

В этом состоянии большинство населения РФ действительно утратило некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки программы и для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бы-вает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным. Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться тяжелым ударам, направленным на разрушение его самосознания⁵.

В начале реформ господствующее меньшинство утверждало, что речь будет идти о «пересборке» народа, о консолидации атомизированных индивидов, «освобожденных» от уз советского тоталитаризма, в классы и ассоциации, об-

⁵ Важным элементом этой программы является, например, кампания против «русского фашизма». Поскольку отрицание фашизма стало частью мировоззренческой матрицы русского народа, внушение ему мысли о якобы присущем русской культуре «гене фашизма» вызывает душевный разлад и подспудное чувство исторической вины и неполноценности.

разующие *гражданское общество*. Этому должны были служить новые отношения собственности и создание системы политических партий, представляющих интересы классов и социальных групп. На первом этапе эти партии должны были принять активное участие в демонтаже старого народа.

В соответствии с этим планом должны были быть реформированы и механизмы, «воспроизводящие» общество, — школа, СМИ, культура и т. д. При этом, как утверждалось, должен был возникнуть новый «средний класс» и таким образом образоваться достаточно многочисленный демос. Для выжившей при таком переходе части обедневшего населения, остающейся в статусе охлоса, предполагалось создание систем благотворительности и право на социальные протесты. Как известно, эти планы оказались утопическими (для тех, кто в них искренне верил) и выполнены не были. Гражданского общества и обширного «среднего класса» не возникло. Возникла патологическая, резко поляризованная социальная система.

В этой системе большинство населения РФ в его нынешнем обессиленном состоянии «съеживается» и низводится до положения бесправного *меньшинства*. В рамках демократических процедур (например, выборов) это «меньшинство» и не может отвоевать и защитить свои права и обречено на вымирание. Тот факт, что в численном отношении этот «бывший» народ находится в РФ в большинстве, при установленной демократии западного образца не имеет никакого

значения – как для англо-саксонских колонизаторов Северной Америки не имела значения численность индейцев при распределении собственности и политических прав.

Этот момент даже закреплён в праве. Специалист по правам человека разъясняет смысл ярлыка «меньшинство»: «В некоторых обстоятельствах и с определенной целью в качестве меньшинств рассматриваются... и люди, составляющие численное большинство в государстве, но лишённые при этом на уровне законодательства или на практике возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами» [11]. Другой антрополог специально отмечает: «Я заключаю слово “меньшинства” в кавычки, поскольку во многих случаях подобные группы обладают фактическим численным большинством, но при этом относительно безвластны».

Именно так и обстоит дело в РФ – *на практике* численное большинство в государстве лишено возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами. Практика эта определена тем, что и собственность, и реальная власть целиком принадлежат представителям *другого народа* – того самого демоса, о котором говорилось выше. Именно эти представители диктуют экономическую, социальную и культурную политику. Большинство населения против монетизации льгот или смены типа пенсионного обеспечения, но власть не обращает на это внимания. Большинство страдает от программной политики телевидения, выступает про-

тив смены типа российской школы или ликвидации государственной науки – на это не обращают внимания. Большинство не желает переделки календаря праздников, не желает праздновать День независимости, на это не обращают внимания. И все это вполне законно, потому что в созданной победителями политической системе это численное большинство – охлос, пораженный в правах.

Конечно, ярлык «меньшинство» – не более чем символ, но это символ, который отражает реальность. Ведь в социальных процессах важна не численность общественной группы, а ее «мощность», аналогично тому, как в химических процессах важна не концентрация агента, а *активность*⁶. Этот ярлык узаконивает политическую практику в глазах демоса. Иначе господствующее в РФ меньшинство не могло бы считать себя демократами и получать подтверждение этого титула на Западе. Чувствуя, что неравенство в распределении прав и богатства носит в РФ вовсе не классовый, а постмодернистский квазиэтнический характер, часть русских, пытаясь нащупать понятное обозначение этого состояния государства, выражает его в простой, но неверной формуле: «к власти пришли евреи».

Неверна эта формула потому, что хотя евреи и слишком «видимы» в верхушке господствующего меньшинства, они

⁶ Подтверждением сказанному служит тот факт, что меньшинствами считаются индейцы Перу, Боливии и Гватемалы, а до недавнего времени считалось и черное население ЮАР, составляющее 80 % жителей страны.

присутствуют там вовсе не в качестве представителей *еврейского народа*, а как организованная и энергичная часть *особого нового сборного народа*, созданного в ходе перестройки и реформы. И на любое проникновение во властную элиту людей и групп, которые по своей мировоззренческой матрице *не вполне* принадлежат к этому новому народу, весь он, независимо от исходной национальности Ясина или Яковлева, реагирует на это чрезвычайно болезненно. В.В. Путин привел в эту властную команду группу т. н. «силовики». Ее отторжение господствующим меньшинством является категоричным и непримиримым, но его никак нельзя представить как столкновение мировоззренческих матриц еврейского и русского народов.

Социальные инженеры и политтехнологи, которые конструировали постсоветское пространство и его жизнеустройство, мыслили уже в категориях постмодерна, а не Просвещения. Они представляли общество не как равновесную систему классов и социальных групп, а как крайне неравновесную, на грани срыва, систему конфликтующих *этносов* (народов). По отношению к их программам Р. Шайхутдинов применил даже термин *демотехника* (от слова демос) – быстрое искусственное создание или демонтаж народов. Действительно, все эти программы и политическая практика никак не вписываются в категории классового подхода, но зато хорошо отвечают понятиям и логике учения об этничности (вплоть до того, что на разных стадиях конструирования

и в разных обстоятельствах политтехнологи явно используют альтернативные концепции этничности). Эта смена методологического оснащения проведена негласно, но она и не слишком замаскирована.

Если же и нам в целях анализа перейти на этот язык, то нынешняя РФ предстает как жесткое *этнократическое* государство. Здесь к власти пришел и господствует этнос (племя или народ), который экспроприирует и подавляет численное большинство населения, разрушает его культуру и лишает его элиту возможности выполнять ее функции в восстановлении самосознания населения как народа. Причем господствующая общность не только пользуется властью и привилегиями (это первый признак этнократии), но и присваивает себе государство в целом. Она выдает себя за единственную «настоящую» нацию и навязывает всему населению ту модель, к которой остальные обязаны приспособливаться. Этот второй признак этнократии еще более важен, чем первый.

Однако и спектр этнократических государств широк. Этнократию РФ следует считать жесткой, что отражается прежде всего в аномально высокой смертности и резком разделении доминирующей общности и численного большинства по доходам. Близкой к нам по результатам (хотя и не по методам) аналогией можно считать Бурунди, которую и приводят как пример жесткой этнократии: «В Бурунди элитарная группа тутси, которую вскармливали немецкие колонисты до Первой мировой войны, а затем бельгийцы вплоть

до независимости в 1960-х гг., начала в 1972 г. активные действия против большинства хуту с ярко выраженной целью если не полного их уничтожения, то резкого уменьшения численности и убийства всех реальных и потенциальных лидеров. Результатом стал геноцид... Следующая резня, имевшая место в 1988 г., и еще одна в прошлом [1992] году нанесли большой урон хуту-язычным народам» [11]. Стоит добавить, что расследование актов геноцида хуту 1992 г. экспертами ООН привело к выводу, что они были организованы спецслужбами западных держав (по этой причине сообщение об этом промелькнуло по западной прессе почти незаметно). Это был, видимо, постмодернистский эксперимент по искусственной организации этнического конфликта с массовыми убийствами.

На первый взгляд, вышедший на арену и созревший в годы перестройки малый народ за 90-е годы добился успеха. Ему удалось в значительной мере ослабить патерналистский характер государства и произвести экспроприацию собственности у большинства населения, перераспределив, соответственно, и доходы. Но окончательной победы добиться не удалось – в частности, и по причине слишком устойчивого культурного генотипа российской армии. А главное, большинство населения так и не поняло истинного смысла слова «демократия» и не считало, что оно – не *народ*. Как не считало особым народом ни «новых русских», ни интеллигенцию. Прежние представления в сознании большинства не

были поколеблены, оно продолжало считать, что «можно договориться». Так и возникла необходимость во втором раунде революции, чтобы привести и охлос, и государственный аппарат в чувство.

Суть задачи теперь излагается нашему непонятливому охлосу открытым текстом. Известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма в интервью газете «Süddeutsche Zeitung» (2004. 5 окт.) говорит: «Большинство россиян проголосовало за Путина и его партию. Создается впечатление, будто российское общество решило, что оно сыто свободами девяностых годов и теперь хотело бы вернуться к более авторитарной системе. Но ведь мы хотим не просто демократии большинства, а либеральной демократии. Именно поэтому Запад должен поддержать демократические группы в России».

Нам указали на ошибку. Мы считали себя народом, а демократию – властью *большинства народа*. Поэтому кое-кто даже удивлялся тому, что Запад явно поддерживает ничтожное меньшинство – какие-то «демократические группы в России». Да не нужна ему никакая «демократия большинства». Революцию приходится продолжать в более жесткой «оранжевой» форме именно потому, что и российскому демосу, и его западным покровителям нужна демократия меньшинства – «либеральная демократия». Чтобы не производить дорогостоящей замены всех институтов, служащих декорациями такой демократии, проще возбудить на время

новую революционную толпу, придать ей звание «народа» – и волею этой толпы (независимо от реальных итогов выборов) вручить власть специально подобранной команде.

Поскольку пересмотра культурных оснований у большинства жителей России не произошло (они были лишь дезактивированы и «рассыпаны»), осознать свою ошибку и извлечь уроки оно не смогло. И в открытом столкновении с демосом в момент «оранжевой» революции большинство этому демосу проигрывает, что и показал очень красноречиво опыт Украины и Киргизии. Большинство считает, что обе вступившие в политический конфликт части населения являются частями одного народа и имеют право на одинаковый доступ к демократическому волеизъявлению. А демос и те, кого в него приняли на Майдане, считает, что голоса охлоса ничего не стоят, незачем их считать и о них спорить, а надо совершать революцию и отодвигать охлос от власти, которую он пытается узурпировать, размахивая своими избирательными бюллетенями. И сила этого демоса, даже если он невелик, заключается в его поддержке «мировым сообществом» и в слабости власти, которая обязалась не выходить за рамки «демократических» норм.

Р. Шайхутдинов пишет, анализируя опыт Киргизии в сравнении с «оранжевой» революцией: «Здесь снова, как и на Украине, сработала *демотехника* – техника работы с народом, создания народа и “увода” народа, из-за чего любая власть теряет опору и рушится. Какие условия для это-

го должны выполняться? Прежде всего государство должно признать, что оно *демократическое*. Значит, оно не может противостоять народу. Оно должно выполнять волю народа, не может ни быть антинародным, ни тем более стрелять в народ, когда он стремится заявить свою волю» [13].

В чем же слабость такого государства, помимо того что оно обязуется «не стрелять в народ»? В том, что созданы эффективные технологии создания и демонтажа «народа», а ни население, ни власти постсоветских государств этого не понимают и бороться с этими технологиями не могут.

Р. Шайхутдинов продолжает: «Дело в том, что сегодня, в условиях, когда любые идентичности могут достаточно легко формироваться и «обыгрываться», народ не существует естественно (как это было сто или двести лет назад) – народ можно быстро создать. Фактически любую группу граждан можно объявить народом и сформировать такую ситуацию, что право так называться за этой группой будет признано. В этом и состоит демотехника. И тогда эта группа автоматически становится неприкасаемой – ведь власть же объявила, что она не может противостоять народу!

Следовательно, даже небольшая группа людей, вошедшая в роль народа, практически смещает власть. В Киеве было побольше народу, в Бишкеке – поменьше (писали о 700–1000 человек). И если власть объявляет о верховенстве закона, о том, что она не может в принципе стрелять в народ и разгонять его без введения особого положения по пропи-

санной в конституции процедуре – то против этого «народа» она бессильна... В этих условиях мы получаем простой, эффективный и жестокий способ свержения всякой власти, которая объявляет себя демократической и действующей в рамках закона⁷.

Получается, что на постсоветском пространстве власть так устроена, что тот, кто объявил себя представителем народа, создал этот народ и повел за собою достаточное количество людей, может ее «сковырнуть». Достаточно некоторого упорства, обозначенности в публичном пространстве и принадлежности к чужой легитимности – той, которую власть уже утратила или никогда не имела... Сегодня можно назвать народом любую наперед заданную часть населения – и получить в руки фомку, против которой у власти, пыжащейся быть демократической, нет приема.

Надо подчеркнуть, что речь идет о слабости всей системы постсоветской государственности – и власти, и общества. Тот народ, который в здоровом советском обществе был *вместе с Отечеством*, что и придавало легитимности и силы государству, просто исчез, когда государство объявило себя не Отечеством, а либеральным «ночным сторожем». Приняв

⁷ Здесь Р. Шайхутдинов делает примечание: «Обратите внимание, что в свое время в Азербайджане подобная ситуация была пресечена быстро и очень свирепо. Но Азербайджан никогда не объявлял себя демократическим государством, его власти не клялись, что не будут стрелять в свой народ. Была выстроена династическая власть, народ это принял – и значит, таков суверенный азербайджанский порядок, как это ни кажется недопустимым кому бы то ни было».

западные демократические институты, это государство и не имеет права быть Отечеством – это сразу объявят тоталитаризмом и рецидивом имперского мышления. Оно уже не может и обратиться за помощью к старому народу, у него уже нет для этого соответствующего языка. В 1991 г. советский народ еще был дееспособен, но он не понимал, что власть потеряла дееспособность и ее надо спасать.

В августе 1991 г. против советской власти выступил весь наличный состав нового народа, демоса – менее 1 % населения Москвы. Остальные, узнав о том, что ГКЧП отстранил Горбачева от власти, успокоились и посчитали, что ГКЧП выполнит свою функцию и восстановит порядок (для чего тогда не требовалось даже минимального кровопролития). Затем люди с удивлением выслушали пресс-конференцию, на которой члены ГКЧП клялись в своей верности Горбачеву и перестройке, а еще через два дня с изумлением наблюдали, как из Москвы выводили войска, просто сдав страну Ельцину – без боя и даже без переговоров.

Гипотетически мы можем себе представить, что ГКЧП обратился к населению: «Поддержите! Горбачев – предатель, но мы бессильны, мы уже не можем действовать, как власть! Ваша поддержка спасет государство!» Можно с уверенностью сказать, что по меньшей мере миллион человек вышел бы на улицы Москвы, и демос просто разошелся бы по домам. И этот же миллион, обретя сам состояние народа, отвечающего за судьбу заболевшего государства, самым своим

появлением заставил бы ГКЧП взять бразды и нести крест власти.

Точно так же, как минимум половина украинцев ожидала, что президент Кучма, Верховная Рада, МВД, их кандидат Янукович выполняют свои функции власти, обяжут «оранжевых» разойтись по домам и ожидать решения уполномоченных инстанций.

Р. Шайхутдинов пишет: «Если бы восток Украины объединился, объявил себя народом, занял бы площади – то власть бы удержалась: она бы занялась разделением, организацией коммуникации, введением общих для них принципов жизни. И это была бы подлинная власть. Но Л. Кучма заявил: “Разве это народ?” В каком-то смысле он был прав, потому что на Майдане Незалежности стоял не весь украинский народ, – но оказалось, что другого-то народа нет! Пытались противостоять ему “донецкие шахтеры”, то есть не народ же, а профессиональная и территориальная группа. Так же случилось в Киргизии, так же может случиться в России: власть в один прекрасный момент обнаружит, что народа у нее нет».

Р. Шайхутдинов прогнозирует, что «оранжевая» революция в России пойдет по пути создания целого ряда новых народов, в разных плоскостях расчленения общества – так, что легитимность государства РФ будет просто разорвана. Он мельком упомянул, что лидеры «прозападного» народа потребуют от российской власти: «Отпусти народ мой» (так

обращались евреи к фараону). Куда отпустить? В Европу.

Р. Шайхутдинов, вероятно, не помнит, что на завершающей стадии перестройки идея *исхода* вовсе не была ветхозаветной метафорой. Она уже была «активирована» и стала действенным политическим лозунгом, так что СССР вполне серьезно уподоблялся Египту (главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт даже доказывал, обращаясь к Гематрии, разделу Каббалы, что «сумма значений слова “Мицраим” – “Египет” и “СССР” одинакова»). Да и В.В. Путин, выступая перед студентами, соблазнился и уподобил себя (впрочем, застенчиво) Моисею, водящему по пустыне свой народ, покуда не вымрут все, воспитанные в египетском рабстве.

Почему же идея *создания* народа нам кажется странной, а то и дикой? Только потому, что исторический материализм, в силу присущего ему *натурализма*, приучил нас, что общество развивается по таким же объективным законам, как и природа. Зарождаются в дикой природе *виды* растений и животных, так же зарождаются и развиваются *народы* у людей. Другое дело – *классы*. Для их возникновения нужны не только объективные основания в виде отношений собственности, но и сознательная деятельность небольших групп людей, которые вырабатывают *идеологию*. Эти люди, сами обычно из другого класса (как буржуа Маркс и Энгельс или дворянин Ленин), вносят эту идеологию в «сырой материал» для строительства нового класса и «будят» его. Тогда класс обретает самосознание, выходит из инкубационного состояния

и претерпевает трансформацию из «класса в себе» в «класс для себя» – класс, способный для политического действия.

В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются* и *конструируются*. Чтобы семьи соединялись в роды, а роды в племя, требовалось сформулировать жесткие культурные нормы (вроде табу на инцест) и выработать механизмы по надзору за их соблюдением. Это – явления культуры, а не природы. Чтобы возник и воспроизводился народ, требуется уже государственная власть, с ее жрецами, религиозными культами, границами и войском. Когда на раннем этапе Нового времени складывались национальные государства в Западной Европе, строительство нации считалось *священной обязанностью* государства. У антропологов в ходу поговорка: «не нации порождают национализм, а национализм нации». Только тогда понятие «человек без национальности» стало почти невообразимым⁸.

Народы большинства нынешних великих держав созданы совсем недавно, хотя некоторые из них и носят древние имена и унаследовали многое из своих древних культур (унаследовали то, что для них отобрали из этих культур «строители»). Современные японцы созданы в ходе большой сознательно выработанной программы модернизации – Реставра-

⁸ Стало считаться, как пишет антрополог, что «человек должен иметь национальность точно так же, как нос и два уха; отсутствие одного из этих элементов время от времени имеет место, но лишь как результат какого-то несчастья и само по себе является своего рода несчастьем».

ции Мэйдзи – во второй половине XIX века. Для собирания раздробленных феодальных кланов и общин был создан и политическими средствами утвержден миф об императоре и его божественном происхождении, внедрена государственная религия синтоизм, возбуждено чувство национализма, в который была заложена идея форсированного промышленного и технического развития.

Процесс строительства народа резко ускоряется в переломные моменты истории. Так, американский народ США был «собран» в ходе войны за независимость и его «сборка» производилась отцами нации вполне сознательно, проект вырабатывался на совещаниях, как в КБ. Приходилось решать ряд новых задач – кого из пестрого этнического состава населения колоний и в каком статусе включать в число граждан «сверкающего города на холме» (например, немногочисленным выжившим индейцам права гражданства были предоставлены только в 1924 г., а негры долгое время выдерживались в статусе рабов). Государство США регулярно занималось «ремонтom и модернизацией» своего народа, устраняя те опасности, которые вызывали волны иммиграции (например, массовый наплыв ирландских и немецких католиков в 1840–1850-х гг., который угрожал размыть протестантское ядро государственной идеологии). Сейчас в США интенсивно разрабатывается новый проект нациестроительства ввиду быстрого изменения этнического состава

населения⁹

⁹ Кратко обозначенные здесь проблемы были обсуждены в 1993 г. на международной конференции «Этничность и власть в полиэтнических государствах», материалы которой вошли в цитируемую здесь книгу под таким же названием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.